

говый центр Генуэзской республики в Северном Причерноморье.

К сожалению, вводимый в оборот памятник — подвесная свинцовая печать римского папы Александра IV — ставит гораздо больше вопросов, чем может дать на них ответов. Многие из них гипотетичны и спорны. Вместе с тем, на наш взгляд, безусловным остается одно, что находка папской печати в окрестностях Балаклавы является бесспорным свидетельством того, что уже с весны 1261 г. эта местность была посещаемая и хорошо известна итальянцам, а возможно, и находилась в их ведении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. К е п п е н П. О древностях Южного берега Крыма // Крымский сборник. — СПб., 1837.
2. М у р з а к е в и ч Н. История генуэзских поселений в Крыму. — Одесса, 1837.
3. К о л л и Л. П. Извлечение из сочинений Вильгельма Гейда «История торговли Восто-

ка в средние века» // ИТУАК. — 1915. — № 52.

4. Б е р т ь е — Д е л а г а р д А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. — 1920. — № 57.
5. Б р о н е в с к и й М. Описание Крыма // ЗООИД. — Т. VI. — Одесса, 1867.
6. F o r m a l e o n i. Navigazione del mar Nero. cap. XXI.
7. Ю р г е в и ч В. П. Устав для генуэзских колоний на Черном море // ЗООИД. — Т. V. — Одесса, 1863.
8. S e r a f i n i C. Le monete e le Bolle plumbe pontificie del medagliere vaticano. Vol. I Milano, MCMX / 1910/.
9. Архив ЛОИИ СССР АН СССР, западноевропейская секция, колл. — № 54.
10. А л е к с е е н к о Н. А. Патриарший моливдовул из Херсонеса // АДСВ. — Свердловск, 1990.
11. Архив ХГИАЗ. Отчеты о раскопках в Херсонесе Г. Д. Белова, А. И. Романчук, С. Г. Рыжова, М. И. Золотарева, Ю. П. Калашника и др.

А. Г. ЕМАНОВ

ФЛОРЕНТИЙСКИЙ ГУМАНИСТ О КРЫМЕ: «ПОХВАЛА ГЕНУЭЗЦАМ» ДЖАННОЦО МАНЕТТИ

Культура Ренессанса не так уж часто проявляла благосклонное внимание к судьбам итальянского Заморья, и потому всякое обращение какого-либо представителя возрожденческой ауры к теме Латинского Востока представляет особый интерес. К тому же, такого рода дискурсы обретают глубокий познавательный смысл, ибо позволяют судить о значимости *Oltremare*, исходя из представлений XIV—XV вв. Одним из таких является «Похвала генуэзцам» Джанноццо Манетти (1396—1459), (1), сравнительно недавно представленная научной общественности итальянским латинистом и палеографом Дж. Петти Бальби* и еще требующая своего истолкования и понимания.

Фигура автора «Похвалы» достаточно колоритна и примечательна для Кваттроченто (2). Выходец из зажиточной семьи, отдавший часть своей юношеской энергии банковским и торговым делам, он пришел к осознанию необходимости классического образования в том возрасте, когда решения принимаются осознанно и

самостоятельно. В Комальдолене, под Флоренцией, он прошел блестящую школу филологических и теолого-философских штудий, основанных на чтении латинских, греческих и древнееврейских текстов. Широкие познания Манетти нашли воплощение в созданных ему имя трактатах «О достоинстве и превосходстве чело-века», «Против иудеев и язычников» (3, 4). Он получил известность как реформатор системы образования, как политический деятель и дипломат**. «Похвала генуэзцам» связана с последним кругом его интересов и в то же время позволяет говорить о Манетти как об историке, правда не в современном, узко профессиональном смысле, но в присущем античности и Возрождению гражданском звучании этого слова. Собственно, сочинение Манетти тем и значимо, что является не результатом направленного исследовательского поиска, а показателем общей осведомленности о Генуе и Генуэзской Романии человека, не принадлежавшего к сфере деятель-

*Считаю долгом выразить глубокую признательность профессору Генуэзского университета Дж. Петти Бальби за дружескую помощь.

**Литература о Манетти обширна; наибольшее значение имеет биография гуманиста, написанная Веспасиано да Бистичи (2). В отечественной историографии к личности и деятельности Манетти специально обращалась Н. В. Ревякина (3, 4).

ности Лигурийской республики, но просто образованного и просвещенного.

«Laudatio Ianuensium», существующая в двух редакциях — 1436 и 1437 гг., обязана своим появлением дипломатическому общению между Генуей и Флоренцией, возобновившемуся после восстановления республики в столице Лигурии. 27 декабря 1435 г. там произошло выступление пополанов, окончившееся убийством миланского чиновника Опицино ди Альцате. Генуя освободилась от власти герцога Филиппо Марии Висконти (1412—1447)*, того самого правителя, имя которого памятно в Крыму по генуэзско-татарским монетам (5). Главой восстановленной республиканской власти стал избранный народом дож Томмазо ди Кампофрегозо (1435—1442), тоже оставивший память о себе в Крыму своими фамильными гербами на строительных плитах (6). Эти события дали повод формулированию тираноборческих идей и республиканских пристрастий Манетти, облаченных им в риторические формы времен Цезаря и заговора Брута.

Первая «Похвала» была произнесена и передана генуэзским послам, прибывшим во Флоренцию в 1436 г. (1, с. 55—87). Вторая была составлена Манетти во время ответной дипломатической миссии 1437 г., которую он сам возглавлял (1, с. 88—171). Возможно, текст был им лично поднесен дожу. Известно, что тот любил окружение интеллектуалов, питал живой интерес к ученым спорам и литературным новинкам. Ему принадлежала богатая библиотека, в которой имелись экземпляр Ливия с автографом Петрарки, копия «Фиваид» Брачелли; и теперь она пополнилась сочинением Манетти.

В марте 1437 г., незадолго до прибытия посольства Манетти, в Генуе произошли новые драматические события: в то время как Томмазо ди Кампофрегозо участвовал в религиозной процессии, его брат, Баттиста, действовавший в интересах миланского герцога, овладел дворцом коммуны и был провозглашен группой сторонников дожем. Томмазо пришлось осаждать дворец и занимать его силой, принудив брата к бегству. Эти события также нашли отражение в «Laudatio» 1437 г. как пример многочисленных опасностей, которые грозят республиканской форме власти.

В «Похвале генуэзцам» 1437 г., обращенной к дожу Томмазо ди Кампофрегозо, автор, повинаясь законам жанра, не мог не вспомнить его знаменитых предков: Доменико, дядю Томмазо, догат которого пришелся на конец XIV в., Пьетро Кампофрегозо, отца современного Манетти дожа, прославившегося взятием Фамагусты и успехами в войне против короля Кипра. Пове-

ствование о Фамагусте позволило вспомнить и о других владениях генуэзцев в Заморье, таких как Симиссо, Пера, Кафа, Солдайя, свидетельствовавших о колоссальной силе республиканской Генуи.

Что же знал флорентийский интеллектуал XV в. о далеком Крыме? Приведу перевод интересующего меня фрагмента**:

«...Кроме того, они (генуэзцы — А. Е.) построили другой город (urbem), который называли Кафа по тому, что у тех жителей «каффар» (caffar) обозначает «гавань спасения» (salutis portum), ибо то место столь безопасно от всех враждебных вторжений и нападений, что, кажется, не найдется никакого другого, более безопасного во всей земле; впрочем, некоторые утверждают, что существовала иная причина этого варварского названия. Как известно, тот город столь велик, что часто предпочитается самой Генуе как по площади, так и по численности жителей. Татары, которых прежде звали «персами» (perse), не вытерпев долее того, что это место в их провинции занято христианами, однажды осадили его своими многочисленными войсками; затем, когда великое их воинство расположилось лагерем вблизи того города, генуэзцы, скрытно выступив в поход, двинулись к Солдайе, враждебному городу, отстоявшему от места осады примерно на 30 тыс. павсов, благодаря чему не только освободили окруженный город от осады, но и распространили свою власть на другой. И когда татары поняли, что их лагерь осажден генуэзцами, тотчас ушли, сняв осаду, с тем, чтобы оказать поддержку своим; таким образом, генуэзцы, уже прежде господствовавшие над тем городом, благодаря своей находчивости, освободили свой город от татарской осады и подчинили своему праву другой...» (1, с. 124, 125).

Приведенный текст отличается характерными риторическими фигурами, призванными облегчить восприятие фразы, и в то же время несколько неуклюжими, утяжеляющими речь повторами, стремлением к словесной и фактической точности, и одновременно невнятистью, смешением нескольких смысловых планов. Автор обнаруживает определенное знакомство с генуэзской городской хронистикой, в частности с «Анналами» Каффаро (7) и «Историей генуэзцев» Джорджо Стеллы (8), проявляет известные лингвистические склонности, свою изобретательность в этимологиях, продиктованную как критическим складом ума, так и эстетическим вкусом к слову.

Для Манетти Кафа всегда — urbs, как в римской традиции обозначался только один город: сам Рим, оттеняя таким образом значение

**Издатель приводит латинский текст (1, с. 124) и перевод на итальянский язык (1, с. 125).

*Синьор Генуи в 1421—1435 гг.

Кафы как административного и военно-политического центра. Рядом с ним, Солдайя определялась только как oppidum, то есть укрепленное, имеющее частное фортификационное значение место.

Давая свою этимологию названия города «Кафа», воспринятую, возможно, от генуэзских информаторов, Манетти глухо полемизирует с Каффаро и его продолжателями, там, где упоминает «некоторых», придерживавшихся иного мнения по этому поводу, а именно того, что город получил свое имя от этого старинного генуэзского рода (8, с. 1095 В-С). Он настаивал на «варварском» происхождении названия «Кафа», хотя передает его смысл, скорее более значимый для христианского символического сознания, нежели способный найти подтверждение в тюркском или арабском языках, то есть языках «тех (крымских — А. Е.) жителей». Пожалуй, определенной можно говорить не о «варварском» его звучании, а о гречизме. Известно, что «Кафу» знал еще в X в. Константин Багрянородный, и, по-видимому, знали понтийские греки IV в. (9, с. 254—257, 454). Д. Хвольсон, отсылая к Исихию, указывал, что в лаконском диалекте использовалось слово *хафа* в значении «ванна, чаша» (10, с. 202), что могло ассоциироваться с идеальными качествами Феодосийской бухты. Наверное, нельзя забывать и более широко распространенное древнегреческое слово *хаф*, давшее латинское «сар», то есть «мысль» и нашедшее отзвук в более позднем турецком «сафа» — «голова», что могло иметь значение в лоцманской лексике.

Конечно, нельзя обойти молчанием выразительное, не без риторического гиперболизирования сравнение Кафы с Генуей. Едва ли генуэзская колония в Крыму могла предпочитаться самой *madrepatria* «как по площади, так и по численности жителей», даже если принять самые высокие оценки населения Кафы. Очень часто говорят о 70 тыс. жителей средневековой Кафы, как-то забывая, что эта цифра принадлежит несостоявшемуся консулу Джакомо Джустиниани, который так и не добрался до Крыма, получив в Хиосе известие о турецком взятии генуэзских крепостей. Его не основанная на реальном знакомстве с городом информация приводится в письме от 10 июля 1475 г. (11, т. VII, с. 482), составленном на том же острове Хиос. Она-то и послужила источником столь распространенного, но не переставшего быть мифическим мнения о численности населения Кафы. Делались попытки подтвердить эту цифру данными Иоганна Шильтбергера, побывавшего в Крыму в первой половине XV в. и сообщав-

шего о 6 тыс. домов внутри первой городской стены и 11 тыс. домов в пределах второй стены (12, с. 106; 13, т. II, с. 403). При расчете 4 человека на один дом получалось 68 тыс. жителей, почти ожидаемые 70 тыс., а при расчете 6 человек на дом — 102 тыс., что могло сделать Кафу равной Генуе. Однако хорошо известна чисто эмоционально-визуальная природа средневековых сообщений о численности городов, почти никогда не сопрягавшихся с реальными исчислениями.

Даже сведения турецких фирманов начала XVI в., призванных учесть все облагаемые налогом дворы, не добавляют точности: количество очагов колеблется от 3 тыс. до 6 тыс., и, стало быть, численность населения, при расчете 5 человек на двор, могла варьироваться от 15 тыс. до 30 тыс., причем не ясно, включались ли сюда дома только города, или же и пригородов (14, с. 106; 15, т. IV, с. 34; 16, с. 68). Во всяком случае, современные историки предпочитают оценивать население Кафы в 10—15 тыс. человек (16, с. 68; 17, с. 12; 18, с. 3).

Для коррекции я предложил бы следующие расчеты. Известно, что площадь Кафы в пределах городского рва, то есть в пределах территории, занятой генуэзцами в пору наивысшего развития городской жизни, составляла около 120 га. Это заставляет относить Кафу к числу крупных городов, но все же не столь больших, как Генуя. По плотности населения она явно уступала другим средиземноморским портам (19, с. 102—107). Это был город с одноэтажными домами, дворами, превышавшими средние размеры, поскольку они включали, помимо хозяйственных построек, земельные участки, использовавшиеся под сельскохозяйственные и садовые культуры, причем, судя по нотариальным актам, были даже пустовавшие земли. Кроме того, на территории города находились не только привычные для городского облика площади, водоемы, общественные здания, базары, торговые постройки, но и монастыри, как, например, оба францисканских и один доминиканский, госпитали и даже кладбища. Если принять расчетную плотность, допустимую для такого типа поселений (19, с. 102), за 50 человек на один гектар, то население города составит лишь 6 тыс., если — за 100 чел/га, то — 12 тыс. По-видимому, это оптимум, которого могла достигнуть Кафа.

Если попытаться определить численность населения города по количеству приходских церквей, то она окажется в том же пределе. В Кафе, как можно судить по частно- и публично-правовым актам, было 16 католических приходских церквей; это без учета кафедральной, дворцовой, монастырских и госпитальных церквей. К ним надлежит прибавить 28 армянских церквей, находившихся в городской черте (20; 21), русскую, две греческие, синагогу, кенассу

*Я вынужден оставить востоковедам вопрос о возможных иранских, тюркских и арабских истолкованиях этого слова.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

и мечеть (20; 22, с. 407; 23; 24, с. 280), то есть, в целом 50 храмов, что, конечно, уступает Генуе, да и многим другим городам Средиземноморья. При малой площади внутреннего помещения храма, вмещавшего не более 100 верующих, получается всего 5 тыс. человек. Учитывая, что приход всегда больше, так как включает тех престарелых и малолетних прихожан, которые не способны посещать церковь, остается по меньшей мере удвоить это количество, и тогда общая численность станет 10 тыс. Эта численность должна оцениваться как максимальная, достигавшаяся в самые благополучные годы. В прочие периоды население Кафы было еще меньшим. Скажем, по сведениям нотариуса Антонио Торрилья 1467 г., в Кафе находилось не более 4 тыс. жителей (16, с. 68).

Из прочих свидетельств Манетти по-своему ценно сообщение о татарах, которых прежде звали «персами». Оно отражает характерное для средневекового европейца восприятие той части татар, которая обосновалась на Ближнем Востоке, на территории Ирана, создав там империю ильханов. Именно эти татары именовались в Италии и в Европе персами, а миссии в империю Хулагуидов рассматривались как миссии в Персию. Об этом надлежит помнить историку, встречающемуся с упоминанием каких-либо «персов».

Наконец, следует коснуться рассказа Манетти о войне генуэзцев с татарами, закончившейся закреплением за Кафой прав на Солдайю. Этот рассказ определенно касается войны 1380—1381 гг., после которой по специальному договору к Кафе отошла Солдайя и прилегающая к ней территория (25). Указание Манетти на то, что генуэзцы уже прежде господствовали над тем городом исторически верно, оно связано со взятием Солдайи 19 июля 1365 г. при консуле Бартоломео Джакомо (8, с. 1098 А).

Приведенный и в какой-то мере проанализированный здесь фрагмент сочинения Манетти позволяет резюмировать основные, характерные для просвещенной Италии представления о генуэзской «Жрымской Ривьере»: для них очевидно центральное место Кафы в том регионе, единственного города, обладавшего статусом *urbs* и являвшегося как бы «другой Генуей», способной соперничать с самой сеньориальной республикой Сан Джорджо. Для этих представлений неоспоримо и то, что город воздвигнут генуэзцами, и смущения не вызывает даже «варварское» название города. Благодаря генуэзцам, их успешной борьбе с мнимыми «персами» — татарами, город возвысился в качестве сеньора над окружающей периферией и, в первую очередь, над Солдайей.

1. M a n e t t i G. Elogi dei genovesi / A cura di G. Petti Balbi. Milano: Marzorati Ed., 1974.
2. V e s p a s i a n o d a B i s t i c i. Vita di meser Giannozzo Manetti fiorentino // Le vite / A cura di A. Greco. Firenze, 1970. Vol. I.
3. М а н е т т и Д ж. О достоинстве и превосходстве человека / Пер. Н. В. Ревякиной // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. — Саратов: Изд-во СГУ, 1988. — Ч. II. — С. 8—68.
4. Р е в я к и н а Н. В. Учение о человеке итальянского гуманиста Джаннопо Манетти // Из истории культуры средних веков и Возрождения. — М.: Наука, 1976. — С. 245—275.
5. L u n a r d i G. Le monete delle colonie genovesi // Atti della Società Ligure di Storia Patria. N. S. Genova, 1980. Vol. XX (XCIV). Fasc. I. C. 5—29.
6. S k r z i n s k a E. Inscriptiones latines des colonies genoises en Crimée // Atti della Società Ligure di Storia Patria. Genova, 1928. V. LVI.
7. Annali Genovesi di Caffaro e de' suoi continuatori. Genova; Roma, 1890—1929. Vol. I—V.
8. Georgii Stellae Annales Genuenses // Rerum Italicarum Scriptores. Milano, 1730. Vol. XVII.
9. К о н с т а н т и н Б а г р я н о р о д н ы й. Об управлении империей. — М.: Наука, 1989.
10. C h w o l s o n D. Corpus inscriptionum hebraicarum. SPb., 1882.
11. V i g n a A. Codice diplomatico delle colonie Tauro2Liguri durante la Signoria dell' Ufficio di S. Giorgio // Atti della Società Ligure di Storia Patria. Genova, 1871. Vol. VII.
12. N e u m a n n K. F. Reisen des Johannes Schiltberger aus der München in Europa, Asia und Africa von 1394 bis 1427. München, 1859.
13. H e y d W. Geschichte des Levantehandels im Mittelalter. Stuttgart, 1879. Bd. 1—11.
14. B e l d i c e a n u — S t e i n h e r r J., B e l d i c e a n u N. Acte du regne de Selim I concernant quelques échelles danubiennes de Valachie, du Bulgarie et de Dobrudja // Südostforschungen. München, 1964. T. XXIII.
15. V i l l a i n — G a n d o s s i C h. La Méditerranée aux XII — XVI siècles: Relations maritimes, diplomatiques et commerciales. L.: Variorum, 1983.
16. B a l a r d M. Les formes militaires de la colonisation génoise (XIIIe—XVe siècles) // Castrum 3: Guerre, fortification et habitat dans le monde Méditerranéen au moyen âge. Rome, 1988. P. 67—78.
17. A i r a l d i G. Studi e documenti su Genova e l'Oltremare. Genova, 1974.
18. Ф р е й д е н б е р г М. М. Дорогами столетий, или об одном распространенном заблуждении // Победа. — Феодосия, 1988. — № 208.
19. Б о л ь ш а к о в О. Г. Средневековый город Ближнего Востока. — М.: Наука, 1984.

20. Х а л п а х ч ь я н О. Х. Данные о неизвестном армянском монастыре в Кафе // Историко-филологический журнал. — Ереван, 1978. — № 2. — С. 175—181.
21. Х а л п а х ч ь я н О. Х. Этапы планировки и застройки Феодосии // Архитектурное наследие. — Киев, 1976. — № 25. — С. 35—49.
22. Imposiçio Officii Gazariae // Monumenta historiae Patriae. Torino, 1838. Т. II.
23. Н а р к а в у А. Altjudische Denkmäler aus der Krim // Memoires de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg. SPb., 1876. Т. XXIV. N1.
24. Т и з е н г а у з е н В. В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из сочинений арабских. — СПб., 1884. — Т. 1.
25. B a s s o E. Il «bellum de Sorchati» ed i trattati del 1380—1387 tra Genova e l'Ordo d'Oro // Studi genuensi. N. S. Genova, 1991. Vol. VIII. P. 11—26.

М. Б. КИЗИЛОВ

«КНИГА ПУТЕШЕСТВИЙ» ЭВЛИИ ЧЕЛЕБИ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О БЫТЕ КРЫМСКИХ ТАТАР XVII в.

Для освещения такой важной проблемы, как быт и обычаи крымских татар, значительную роль играют свидетельства путешественников, побывавших в Крыму. Довольно известны и хорошо изучены заметки таких очевидцев того времени, как Г. Л. де Боплан, М. Броневский и др. Из этих авторов (в особенности в той части, что касается Крымского ханства) менее всего в советской историографии представлен Эвлия Челеби.

Эвлия Челеби — турецкий путешественник и придворный, приближенный крымского хана и доверенное лицо османского султана. Оставил после себя историко-литературное наследие — десятитомную «Сейахатнаме» («Книгу путешествия»).

Первые заметки Эвлии Челеби о Крыме появляются еще во II томе «Сейахатнаме». Здесь автор среди прочего описывает свой первый визит в Крым в 1641—1642 гг. В главе под названием «Путешествие в Крым после не увенчавшейся победой азовской войны» Челеби дает краткое описание Бахчисарая и своего пребывания при дворе светлейшего хана. Что же касается более подробного описания Крыма и его достопримечательностей, то сам автор говорит о том, что «не мог найти времени, да и отваги» (1, с. 192). Наиболее плодотворным для Эвлии Челеби оказался следующий его визит в Крым в 1665—1666 гг. В течение этого времени автор совершает длительную поездку через весь Крым, описывает главнейшие его города, крепости и селения. Однако в 1666 г. Порта лишает крымского хана Мохаммеда Гирея IV своего покровительства, и Эвлия Челеби покидает вместе с опальным ханом Крым, направляясь к дагестанскому шамхалу (титул правителя Дагестана). Описание перечисленных здесь событий находится в VII томе «Сейахатнаме». Следующий

визит в Крым Эвлия Челеби наносит в 1667 г. и рассказывает о прибытии нового хана — Адиль Чобан Гирея. И, наконец, в последнем, X томе, автор пытается собрать воедино и обобщить собранные им сведения о Крыме.

Следует отметить, что извлечения из трудов Эвлии Челеби на русский язык переводились неоднократно. Достаточно вспомнить выпущенные в Москве в 1961 г. под редакцией А. С. Тверитинова путешествия Челеби по землям Молдавии и Украины (2). Однако, к сожалению, та часть, что касается Крымского ханства, была переведена и издана лишь на польском языке в 1969 г. в Варшаве группой польских востоковедов под редакцией Э. Абрахамовича и Я. Рейхмана. Перевод польского издания осуществлен автором данной работы. Книга готовится к публикации в издательстве «Таврия». Извлечения из книги Э. Челеби затрагивают все сферы жизни крымского ханства и народов Крыма XVII в.: военная история ханства, воинское искусство татар, географическое описание полуострова, описание городов, деревень, крепостей и т. п. Данная работа рассматривает быт и обычаи крымских татар XVII в.

Изучение быта крымских татар, как и любого другого народа, следовало бы начать с такого основополагающего момента, как жилище, рассматривая его не как предмет архитектуры, а как среду обитания. Но, к сожалению, сведения, представленные автором, несмотря на их обилие, не отражали реально существовавшего положения. То есть, наряду с многочисленными и подробными описаниями пышных особняков вельмож и знати, ханского дворца, практически отсутствует описание домов и жилищ простолюдинов и бедноты.

Наряду с жилыми постройками, Эвлия Челеби описывает и архитектурные сооружения